

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

239

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
239

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 902/904

ББК 63.4

К 78

**Краткие сообщения Института археологии
Вып. 239 2015**

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, к. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
член-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 239 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — 420 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-94457-252-3

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

*На задней стороне обложки изображен
аскос из теля Юнаците (к статье Т. Н. Мишиной)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-94457-252-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2015
© Авторы, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИНЫМ ИСТОЧНИКАМ)»
НОЯБРЬ 2014 г.

<i>Крадин Н. Н.</i> Основные закономерности происхождения государства	7
<i>Тишкин А. А., Серёгин Н. Н.</i> Основные результаты изучения социальных систем у кочевых народов Алтая поздней древности и раннего Средневековья по археологическим материалам	28
<i>Вдовиченков Е. В.</i> Уровень сложности сарматских обществ Подонья на основе формальных кросс-культурных методик	43
<i>Гарбузов Г. П., Лукьяшко С. И., Раев Б. А.</i> Археологические данные к проблеме возникновения межобщинной иерархии в Прикубанье в I–III вв. н. э. (к постановке проблемы)	54
<i>Мельник В. И.</i> Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–II тыс. до н. э.	61
<i>Рукавишников И. В., Мокробо́родов В. В., Горин А. Н., Гладченков А. А.</i> Газкала – новый памятник цивилизации Бактрийско-Маргианского археологического комплекса	72
<i>Корневский С. Н.</i> Образ хищной птицы в искусстве бронзового века Древнего Востока и Кавказа и миф о Древе Жизни на пороге государственности	86
<i>Савченко И. А.</i> От архаики к классике: восточные низменности майя (северо-восток Гватемалы) в I тыс. до н. э.	101
<i>Сафронов А. В.</i> Формирование раннего государства майя в Вашактуне.	112
<i>Леванова (Острирова) Е. С.</i> Социально-политическое развитие культуры муисков (Колумбия) в свете археологических данных	131
<i>Фахри А. И.</i> Об особенностях изображений трона правителя в монументальной скульптуре майя второй половины I тыс. н. э. из Пьедрас-Неграс, Гватемала	140

К 70-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА КАМНЯ И БРОНЗЫ ИА РАН

<i>Гаврилов К. Н., Гей А. Н.</i> Отдел камня и бронзы Института археологии РАН	148
<i>Мишина Т. Н.</i> Аскосы раннебронзовых поселений телля Юнаците (Болгария).	150
<i>Балабина В. И.</i> Кухонные сосуды Кукутени-Триполья с символикой животных	170
<i>Авилова Л. И.</i> Кольцевидные подвески балкано-карпатского типа в Анатолии и ситуация перехода к раннебронзовому веку	184
<i>Корневский С. Н., Кизилов А. С.</i> Об изготовлении керамики майкопско-новосвободненской общности и моделировании следов поворотного устройства	195
<i>Рындина Н. В., Равич И. Г.</i> Новые данные о технологии производства бронзовых мотыг майкопской культуры Северного Кавказа	211

<i>Гей А. Н., Клещенко А. А.</i> Исследования курганного могильника Арпачинский III на Нижнем Дону	224
<i>Щелинский В. Е., Тесаков А. С., Титов В. В., Симакова А. Н., Фролов П. Д., Куршаков С. В.</i> Раннеплейстоценовая стоянка Кермек в Западном Предкавказье (предварительные результаты комплексных исследований)	240
<i>Селезнев А. Б.</i> Кремневый инвентарь из слоя 32 нижнепалеолитической стоянки Мухкай I	258
<i>Жилин М. Г.</i> Костяные наконечники стрел в позднем мезолите Верхнего Поволжья	271
<i>Ошибкина С. В.</i> Об интерпретации условных изображений из памятников раннего голоцена Севера Восточной Европы	287
<i>Сорокин А. Н.</i> Пургасовская культура: к 30-летию изучения	301
<i>Леонова Е. В., Медникова М. Б.</i> Антропологические материалы из мезолитических слоев пещеры Двойная (Северо-Западный Кавказ)	326

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Афанасьев Г. Е.</i> Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры	339
<i>Владимиров С. И.</i> Топоры Маяцкого археологического комплекса	358
<i>Бейлекчи Вал. В.</i> Кресала муромы	369
<i>Исланова И. В.</i> Городища культуры псковских длинных курганов в бассейне Мсты	384
<i>Цетлин Ю. Б.</i> Понятия «качества» для анализа объема сосудов	393
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	409
ОТ РЕДАКЦИИ. Правила оформления рукописей	412
ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА	413

CONTENTS

“ON THE THRESHOLD OF CIVILIZATION AND STATEHOOD
(BASED ON ARCHAEOLOGICAL AND OTHER SOURCES)”
TRANSACTIONS OF THE CONFERENCE
(MOSCOW, 2014)

<i>Kradin N. N.</i> Key factors behind the origin of the state	3
<i>Tishkin A. A., Seregin N. N.</i> Altai nomadic peoples' social systems in Late Antiquity and Early Middle Ages: Main results of the studies based on archaeological material.	28
<i>Vdovchenkov E. V.</i> The level of complexity of Sarmatian societies in the Don Region based on cross-cultural methods	43
<i>Garbuzov G. P., Luk'yashko S. I., Raev B. A.</i> Archaeological data on the problem of formation of inter-community hierarchy in the Kuban River region in I–III cc. AD (Raising the problem)	54
<i>Melnik V. I.</i> Uneven cultural development and stages of changes in cultures of East European steppes and Near East civilizations in 3000–2000 BC	61
<i>Rukavishnikova I. V., Mokroborodov V. V., Gorin A. N., Gladchenkov A. A.</i> Gazkala: A new site of the earliest civilization of the Bactria–Margiana archaeological complex (BMAC) in Central Asia	72
<i>Korenevsky S. N.</i> On the threshold of the statehood. Image of the bird of prey in the Bronze Age art of the ancient Near East and the Caucasus and the myth on the Tree of Life	86
<i>Savchenko I. A.</i> From the Archaic Period to the Classic Period: Eastern Lowlands of the Maya civilization (North-East of Guatemala) in 1000 BC	101
<i>Safronov A. V.</i> Development of the Early Maya state in Uaxactunc	112
<i>Levanova (Ostrirova) E. S.</i> Social-political development of the Muisca culture (Columbia) in the light of archaeological data	131
<i>Fakhri A. I.</i> On specifics features of iconography of the ruler's throne in the Maya monumental sculpture of the second half of I millennium AD from Piedras Negras (Guatemala).	140

TOWARDS 70TH ANNIVERSARY OF STONE AND BRONZE AGES DEPARTMENT, IA RAN

<i>Gavrilov K. N., Gey A. N.</i> Department of Stone and Bronze Ages of the Institute of Archaeology	148
<i>Mishina T. N.</i> Askoi from the Early Bronze Age settlements at Tell Yunatsite (Bulgaria).	150
<i>Balabina V. I.</i> Cucuteni-Tripolye kitchenware featuring symbolic figures of animals.	170
<i>Avilova L. I.</i> Ring-shaped pendants of the Balkan-Carpathian region and Anatolia and the transition to the Early Bronze Age	184
<i>Korenevsky S. N., Kizilov A. S.</i> General information on production of Maikop-Novosvobodnaya ceramics and modeling of turntable marks.	195
<i>Ryndina N. V., Ravich I. G.</i> New data on production technology of bronze hoes in the North Caucasus Maikop culture	211

<i>Gey A. N., Kleshchenko A. A.</i> Studies of Arpachinsky III burial ground in the Lower Don region	224
<i>Shchelinsky V. Ye., Tesakov A. S., Titov V. V., Simakova A. N., Frolov P. D., Kurshakov S. V.</i> Early Pleistocene short-term camp Kermek in West Ciscaucasia (preliminary results of complex studies)	240
<i>Seleznev A. B.</i> Flint tools from layer 32 of Lower Paleolithic Mukhkai I camp	258
<i>Zhilin M. G.</i> Bone arrowheads in the Late Mesolithic in the Upper Volga region	271
<i>Oshibkina S. V.</i> On interpretation of symbolic images from early Holocene sites in the North of Eastern Europe	287
<i>Sorokin A. N.</i> Purgasovo culture: thirty years of studies.	301
<i>Leonova Ye. V., Mednikova M. B.</i> Anthropological finds in the Mesolithic layers of the Dvoynaya cave (North-Western Caucasus)	326

PROBLEMS AND MATERIALS

<i>Afanasyev G. Ye.</i> Alekseyevskoye hillfort as a Saltovo-Mayatskaya culture site.	339
<i>Vladimirov S. I.</i> Axes from the Mayatsky archaeological assemblage	358
<i>Beilekchi Val. V.</i> The Muroma fire-steels	369
<i>Islanova I. V.</i> Fortified sites of the Pskov Long Barrows culture in the Msta River basin.	384
<i>Tsetlin Yu. B.</i> The concept of “quality” for analyzing the pot capacity.	393
ABBREVIATIONS	409
SUBMISSION GUIDE	412
COLOUR PLATES	413

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИНЫМ ИСТОЧНИКАМ)»
НОЯБРЬ 2014 г.

Н. Н. Крадин

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА*

Резюме. В данной работе рассматривается современное состояние теории происхождения государства. Показано, что не существовало единой причины возникновения государственности. Обсуждаются такие ключевые вопросы, как природа государственности, признаки государства, многолинейный характер процессов политогенеза, роль концепций «вождества» и «гетерархии».

Ключевые слова: государство, политогенез, вождество, комплексное общество, гетерархия, социальная эволюция.

Введение

Проблема образования государственности относится к числу так называемых «вечных» вопросов наук об обществе. Было высказано огромное количество самых разнообразных точек зрения на этот счет, существуют сотни книг и тысячи статей на эту тему. Поскольку в рамках одной небольшой обзорной работы невозможно охватить весь круг проблем, я ограничусь только несколькими ключевыми темами, среди которых различные факторы политогенеза, теория вождества, сущность и признаки государства, многолинейный характер процессов становления государственности.

Без преувеличения можно сказать, что в XIX – первой половине XX вв. в изучении данной тематики доминировали эволюционисты и марксисты. Этот вопрос был принципиально важен для марксизма, поскольку государство являлось важнейшим орудием эксплуататорских классов и ему нужно было дать правильную оценку. Не случайно на протяжении многих лет одной из наиболее

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ № 14-18-01165.

влиятельных работ в этой области была книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанная в 1884 г. Она оказала огромное влияние на советскую науку. Основные точки зрения, высказывавшиеся в отечественной литературе, не раз были предметом специального рассмотрения (Проблемы истории..., 1968; Становление классов..., 1976; Хазанов, 1979; От доклассовых обществ..., 1987; Куббель, 1988; Ранние формы..., 1995; и др.). Поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе и уделю внимание его рассмотрению в зарубежной литературе. В период между двумя мировыми войнами данная проблематика еще не была особенно актуальной для зарубежных ученых. Наиболее влиятельной в указанный период была точка зрения Г. Чайлда, которая под влиянием симпатий к марксизму обозначена им как «городская революция» (*Childe*, 1942; 1950).

Активизация изучения тематики происхождения государства произошла после Второй мировой войны, начиная с 1950-х гг. Это было обусловлено несколькими причинами: накоплением нового фактического, главным образом археологического и этнографического материала, определенным усилением влияния марксизма и началом второй дискуссии об азиатском способе производства, появлением таких важных на Западе теоретических направлений, как «новая», или процессуальная, археология в изучении доистории и неозволюционизм в культурной антропологии и этнографии.

Первоначально в фокусе внимания исследователей были проблемы типологии и классификации процессов политогенеза. Советские ученые свой вклад воплотили в дискуссии о различных путях к государственности и раннеклассовому обществу, дискуссии о типологии генезиса феодализма, природе «дофеодальной» стадии, военной демократии и т. д. (Проблемы истории..., 1968; Хазанов, 1968; 1979; Павленко, 1989; Крадин, 1991; и др.). В западной культурной антропологии на первый план вышли вопросы типологии форм доисторических и архаических обществ от локальных групп охотников-собирателей до раннего государства. Среди особенно важных достижений следует отметить создание теории вожества (*chiefdom*) и теории раннего государства, дебаты о месте племени в ряду форм политической интеграции (*Service*, 1962; 1975; *Fried*, 1967; 1975; *The Early...*, 1978; *The Study...*, 1981; etc.).

Постепенно исследователи осознали бесперспективность бесконечных типологических баталий, и внимание сместилось на анализ факторов и процессов политогенеза. Справедливости ради следует сказать, что роль тех или иных причин появления государства отмечалась исследователями и ранее (теории «общественного договора» Нового времени, широко распространенная с конца XIX в. так называемая «завоевательная» теория, роль неравенства и классов (согласно марксизму), ирригационная теории К. Витфогеля и др.). Однако примерно в последней трети XX столетия появились весьма популярные «демографическая» (*Boserup*, 1965), «стрессовая» (*Wright, Johnson*, 1975), «торговая» (*Webb*, 1975; *Ekhholm*, 1977; *Friedman, Rowlands*, 1977) и «ограничительная» (*Carneiro*, 1970) теории, а также ряд других интерпретаций.

В целом, как показали сравнительно-исторические исследования последних десятилетий, процесс политогенеза – сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народо-

населения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами. Как весьма справедливо заметил по данному поводу Дж. Хаас, многие из теорий адекватно объясняют возникновение государственности применительно лишь к случаям, которые служат иллюстрациями для подтверждения тех или иных взглядов (Haas, 1982. P. 130). В то же время ни один из вышеперечисленных факторов не является универсальным. В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от большого числа разнообразных переменных.

Теория вождества

Теория вождества принадлежит к числу наиболее ярких достижений западной политантропологии. Наибольший вклад в ее разработку внесли неозолуционисты «второй волны» – Э. Сервис (*Service*, 1962; 1971), М. Салинз (1999) и Р. Карнейро (*Carneiro*, 1981). Последующий прогресс связан с фундаментальными статьями и книгами Т. Эрла (*Earle*, 1987; 1997; 2002). Вождество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появлению государства. Существует ряд работ, в которых подробно раскрыты основные положения данной теории (*Carneiro*, 1981; *Earle*, 1987; 1997; *Крадин*, 1995). Исследователи выделяют следующие основные признаки этой формы социополитической организации: 1) существование иерархической организации власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах поселений; 2) наличие социальной стратификации и ограничение доступа к ключевым ресурсам, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие; 3) существование (в вождестве) редистрибуции – перераспределения прибавочного продукта и подарков по вертикали. Власть вождя основана на престижной экономике; 4) вождество характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами. Некоторые исследователи полагали, что верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, теократический характер.

По количеству уровней иерархии вождества могли быть «простыми» и «сложными». В простых вождествах имеется один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя – как правило, более крупному поселению. Численность простого вождества – несколько тысяч человек. Сложное вождество – это более крупная политическая единица, которая состояла из нескольких простых вождеств. Их численность измерялась уже десятками тысяч человек. К числу типичных черт сложных вождеств можно также отнести этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности. В некоторых случаях сложные вождества могли объединяться в **суперсложные** вождества. Обычно суперсложные вождества в 4–5 уровней иерархии существовали у кочевников скотоводов (*Крадин*, 2007). В земледельческих обществах при таком количестве иерархических ступеней, как правило, возникало государство.

Однако вождество отличалось от государства не только высотой пирамиды власти. По мнению одних исследователей, в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия (*Fried*, 1967. Р. 230, 235; *Service*, 1975. Р. 16; *The Early...*, 1978. Р. 639, 640), тогда как правитель вождества обладал лишь «консенсуальной властью», т. е. авторитетом. В случае злоупотребления своим статусом положение вождей было незавидным (*Салинз*, 1999. С. 137–141). Однако, по мнению Э. Геллнера и Р. Карнейро, многим государствам (не только ранним) не хватает монополии на использование силы (*Carneiro*, 1981. Р. 68; *Геллнер*, 1991. С. 28). Поэтому было бы правильнее делать акцент не столько на легитимном насилии, сколько на появлении особого аппарата власти.

Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Гражданские чиновники ответственны за мобилизацию ресурсов, управление, контроль информационными потоками. Военные ответственны за завоевания и оборону от врагов, а иногда на них возлагается поддержание внутренней стабильности. Религия предназначена для создания общей идентичности и освящения существующего строя (*Earle*, 2002. Р. 16).

Пик популярности теории в Европе и США пришелся на последнюю треть XX в. В отечественную науку термин вошел на рубеже 1970–1980-х гг. А. М. Хазанов предложил использовать при рассмотрении вопросов становления государственности термин «вождество» – аналог английскому «чифдом» (*Хазанов*, 1979), а Л. С. Васильев в двух обзорах подробно изложил суть данной концепции (*Васильев*, 1980; 1981). Двадцать лет назад автор этих строк написал многостраничный обзор, посвященный теории вождества (*Крадин*, 1995). В настоящее время термин достаточно часто используется в работах отечественных ученых, он вошел в учебники, пособия и справочные издания. В последнем варианте «Большой российской энциклопедии» ему посвящена большая вдумчивая статья В. А. Попова (2006).

Основными археологическими признаками вождества являются наличие иерархии поселений и развитая стратификация в погребальном обряде. Как соотносятся летописные сведения, например, о различных «княжениях» с конкретным археологическим материалом, могут дать ответ только специальные археологические обследования конкретных регионов (так называемые *survey studies*). Однако опыт изучения разных районов мира показывает, что чем больше новых археологических данных, тем сложнее их интерпретировать в рамках простых объяснительных схем. По мере накопления фактического материала археологические интерпретации демонстрируют очень большое разнообразие политических систем, которые могли возникать в однотипных экологических условиях (*Березкин*, 2013). На одном полюсе сложные общества без ярко выраженной иерархической структуры, на другом – классические вождества разной степени сложности и ранние государства. Между ними располагается немало промежуточных форм с различной экономической базой, политической организацией, идеологическими институтами. Поэтому в настоящее время исследователи склонны использовать более нейтральные термины – среднемасштабное общество, комплексное (сложное) общество и т. д. (*Chapman*, 2008; etc.).

Сущность государства

В политантропологической литературе выделяются два основных подхода к пониманию ранней государственности. Согласно «**интегративной**» (**функционалистской**) версии политогенеза архаическое государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми вождеская организация власти не может справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. Она основана на сакральной (т. е. священной) идеологии (*Service*, 1962; 1971; 1975). По мнению сторонников «**конфликтной**» версии политогенеза, государственность – это результат культурной адаптации и стабилизации стратифицированного общества от предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения. Эта версия объясняет происхождение государства исходя из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования (*Fried*, 1967).

Один из главных идеологов функционалистской версии политогенеза Э. Сервис рассматривал создание государства с точки зрения «выгоды», которую оно несет своим гражданам. Он признавал, что подданным приходится платить определенную «цену» управителям за то, что они выполняют свои организационные обязанности. Однако Сервис отказывался видеть в этой «цене» эксплуатацию, полагая, что выгоды от объединения усилий очевидны и превышают плату за услуги. Он мотивировал это тем, что ему неизвестны случаи восстаний в ранних государствах. Эти аргументы нашли развитие в концепции «взаимной эксплуатации», согласно которой в раннем государстве складывается религиозно-идеологическая доктрина взаимного обмена услугами между производящими массами и правящей элитой. Первые обязуются исправно платить налоги и повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями (*Service*, 1975).

Конфликтный подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенной для решения внутренних и внешних конфликтов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции. Одни исследователи (сторонники «завоевательной» теории) привлекали внимание к насильственному, военному решению экономических проблем; другие – обращали внимание на то, что в результате неравного доступа к ресурсам назревают конфликты, которые предотвращаются методами физического и идеологического контроля; третьи (марксистские авторы) – акцентируют внимание на том, что государство является институтом эксплуататорского, классового общества.

В настоящее время мало кто из исследователей готов безоговорочно принять ту или иную сторону. Всем очевидно, что это крайние полюса единого процесса. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т. д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены

соглашаться со своим более низким статусом. В литературе много писалось об амбивалентности власти. Государство – орудие власти. Оно столь же двулико, что и сама власть. Оно одновременно и помогает, и наказывает. Даже в классической древности существовало амбивалентное отношение к государству, оно воспринималось как неизбежное, но все-таки зло (*Якобсон, 2012*).

В этой связи, ключевые вопросы, которыми задавались многие исследователи, – как меньшинство достигает контроля над большинством и как оно умудряется поддерживать статус-кво (*Mann, 1986; Feinman, 1995; Earle, 1997; Haas, 2001; Flannery, Marcus, 2012*). Можно говорить, наверное, о трех ключевых каналах достижения власти – экономика, война и идеология. Экономическая власть основана на контроле над ключевыми секторами экономики и ресурсами, а также доступе к перераспределению ресурсами. Т. Эрл предлагает выделять основные финансы и финансы богатства (*Earle, 2002. P. 192–194*). В первом случае имеется в виду контроль над реальными секторами экономики и их результатами – производством пищи, специализированным ремеслом, общественными работами и др. Финансы богатства представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Поэтому во втором случае речь должна идти о поддержке ремесленников, производивших значимые для статуса товары (*Specialization, exchange..., 1987*), или о контроле над внешней торговлей (*Ekholm, 1977; Sáenz, 1991*).

Военный фактор проявляется прежде всего в наличии у лидера вооруженных и, как правило, хорошо обученных сторонников, которые могут оказать помощь в борьбе против конкурентов. Помимо этого, война предполагала возможность завоевания и порабощения или запугивания с целью гарантировать поддержку и защиту. Р. Кайнейро в своей «теории ограничения» синтезировал экологический подход с военным фактором. В условиях, когда территория расселения популяции имеет границы, рост населения не может быть решен путем миграции. В такой ситуации возникает конкуренция за ресурсы и институализируется лидерство. Группы начинают вести войны за ресурсы и порабощение (*Carneiro, 1970*). Данная концепция вызвала много споров среди исследователей. Полемика не утихает до сих пор. Не так давно журнал «Социальная эволюция и история» (*Social Evolution & History*) выпустил целый номер, посвященный современному видению этой темы (№ 2 за 2012 г.).

Идеология предполагает обеспечение доминирования через культурно значимые для общества символы. Она имеет очень важное значение для интеграции группы. Коллективные ценности реализуются как в рамках каждодневных действий («габитус»), так и через публичные ритуалы и церемонии, совместные трапезы и праздники. Как очень точно подметил М. Ман, успешная идеология предполагает взгляд, делающий боль жизни и неравенство более терпимыми (*Mann, 1986. P. 23*). Важное место в этой связи имеют различные дарообменные механизмы, которые камуфлируют реальную иерархию идеологическими одеждами, создают иллюзию сопричастности подданных и правителей. Светская, военная и сакральная власть могла быть как разделенной между различными группами элиты, так и интегрированной в той или иной комбинации.

Критерии государства

В отечественной литературе традиционно этот вопрос решался в соответствии с критериями государства, которые были предложены еще Ф. Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной в 1884 г. Как известно, Энгельс выделял три главных признака: территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления. Эта «триада» до сих пор считается классической в политической и юридической науках. Нет сомнения, это справедливо в отношении развитых современных государств. В то же время исследования антропологов показали, что многие уже сформировавшиеся доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редиистрибуцией и налогами очень условна. Наконец, не всегда можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства (Куббель, 1988).

Традиция выделения данных признаков происходит из концепции суверенитета, появившейся в Европе в Новое время. Однако, если посмотреть вглубь времен, население, территория и независимость – это черты любого самостоятельного коллектива, в том числе и первобытного. Любая группа охотников-собирателей представляет собой *население*. Любая община проживает на некоторой *территории*, контролирует ее и защищает от непрошенных чужаков. Если вспомнить еще один часто упоминаемый признак – политический *суверенитет*, то любое вождество рассматривается в качестве предмета исследования только как *независимая* политическая единица (в противном случае это уже не вождество, а дистрикт сложного вождества). Из вышеперечисленных черт только один признак может служить настоящим признаком государства – это наличие институтов управления.

Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Исходя из вышеизложенного, лиц занятых управлением необходимо делить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие решений (родственники, придворные, священники и т. д.). Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних (архаических) государствах, но, например, в вождествах, только категория **специальных функционеров** может служить критерием государственности. Возможно, это единственный универсальный критерий государственного общества. С предельной лаконичностью суть этого выразил Карл Витфогель: государство – это управление профессионалов (*Wittfogel*, 1957. P. 239).

Кроме того, мы можем назвать организацию управления государством только в том случае, если она состоит из **большого количества** людей. Государство – это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью,

а аппарат управления, т. е. совокупность определенных организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определенного количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей, имеющих схожие системы ценностей и установок (габитус). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцелярии и т. д.) либо в принципе не быть институализирована и находится при дворе, ставке («штабе» – в концепции М. Вебера) правителя.

В данном случае речь идет, как правило, о сложившейся государственности, т. е. таком аппарате управления, который оформился в институализированные формы. Однако такие феномены, как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность, формируются в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах и, возможно, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации, как раннее государство.

Раннее государство

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политантрополога Х. Дж. М. Классена и его школой. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе «Раннее государство», изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом-африканистом П. Скальником (*The Early State*, 1978), и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий. Теория «раннего государства» включила достижения неозволюционистской и структуралистской антропологии, а также творческого марксизма. Она оказала значительное влияние на развитие отечественной политической антропологии последней трети XX – начала XXI в. (на Л. Е. Куббеля, А. М. Хазанова, Л. С. Васильева, а через их работы и идеи на следующее поколение отечественных политантропологов).

Раннее государство понимается как «централизованная социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном, по крайней мере, на два основных страта, или возникающих социальных класса – на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений, основной принцип которых составляет взаимный обмен услугами, освящена единой идеологией» (*Ibid.* P. 640).

Изначально авторы выделили по степени зрелости три типа ранних государств – *зачаточные* (*inchoate*), *типичные* (*typical*) и *переходные* (*transitional*). Для *типичного* раннего государства характерно: 1) сохранение кланово-лиджных связей, но при некотором развитии внеклановых отношений на высших уровнях управления; 2) источником существования должностных лиц

являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалование из центра; 3) письменно зафиксированный свод законов; 4) появление специального аппарата судей, которые уже разбирают большинство юридических вопросов; 5) изъятие доли прибавочного продукта «управителями» имеет «точно установленный характер» и осуществляется как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда; 6) появление специальных чиновников и лиц им помогающих (The Early State, 1978. P. 22, 641).

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персону сакрализованного правителя являлась фигурой консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание обществу, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти отпадала необходимость в данных функциях «священного царя» (Claessen, 1986). На этой стадии ранние государства трансформировались в *зрелое* доиндустриальное государство (mature state), в котором имеется развитый бюрократический аппарат и частная собственность (Гринин, 2007; 2007б; 2007в).

Концепция «раннего государства» по-прежнему вызывает интерес среди исследователей. С течением времени возникла необходимость пересмотреть типологию и отказаться от выделения так называемых *зачаточных* и *переходных* ранних государств. Первые соответствуют критериям вождеств, а последние попадают под признаки *зрелых* доиндустриальных государств с развитым бюрократическим аппаратом (Крадин, 2006). Кросс-культурный анализ концепции позволил скорректировать признаки *типичного* раннего государства и показал, что именно на этой стадии появляются такие важные признаки, как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др. (Bondarenko, Korotayev, 2003). В 2008 г. журнал «Социальная эволюция и история» (№ 1) организовал специальную дискуссию, посвященную состоянию теории раннего государства и приуроченную к тридцатилетию выхода книги «Раннее государство». Роль теории «раннего государства» в современной археологической и антропологической науке показана также в обстоятельной обзорной статье П. Скальника (Skalnik, 2009).

Археологические критерии

Со времени публикации знаковой статьи Г. Чайлда о «городской революции» началась дискуссия об археологических критериях разграничения предгосударственного общества и стадии государства. Для ее обозначения Чайлд использовал термин «цивилизация». Он выделил список из 10 черт: появление городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущих в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации;

появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (*Childe*, 1950).

Используя археологические источники, необходимо иметь в виду, что понятие город очень неопределенно, такие признаки, как письменность, наличие высокоразвитой торговли и ремесла, монументальная и урбанистическая архитектура, могут встречаться еще в догосударственном обществе и наоборот – их может не быть в раннегосударственных структурах. Многие ранние государства Африки не знали письменности, однако известны безгосударственные общества, имевшие письменность (кельты, иберы). Социальная стратификация, фиксируемая в погребальном обряде, характерна как для государств, так и для вождеств. Едва ли можно точно определить по уровню развития ремесла, торговли или числу уровней иерархии, является данное общество вождеством или государством. Монументальные сооружения характерны не только для цивилизаций, но встречаются и в вождествах (Стоунхендж).

Впоследствии список Чайлда неоднократно уточнялся. В настоящее время существует много работ, в которых перечисляется широкий набор признаков цивилизации. В табл. 1 представлены некоторые важные работы, которые посвящены обсуждению этого вопроса. При этом представляется очевидным, что универсальных признаков государственности нет – должна присутствовать некоторая совокупность. Но сколько признаков могут составлять систему? Два из трех, три из пяти, или возможно какое-то иное их соотношение?

Нетрудно заметить, что такие признаки, как «город», «монументальная архитектура», «высокоразвитое ремесло», «стратификация погребений», встречаются более чем в половине процитированных работ, другие критерии – несколько реже. Это, конечно, не говорит о том, что остальные признаки ошибочные. С одной стороны, исследователи руководствуются при составлении списка признаков традицией, идущей от Чайлда. С другой стороны, в той или иной степени каждый опирается на свой конкретный материал и опыт того региона, который ему знаком лучше всего.

В этой связи важно иметь в виду некоторые методологические идеи относительно возможности использования археологических источников для изучения процессов политогенеза. Их (источники) целесообразно рассматривать в контексте процесса материализации. Под материализацией в современной археологии понимается преобразование идей, значений и символов в физическую реальность (*DeMarrais et al.*, 1996; *Archaeologies...*, 2005; etc.). Она может существовать в форме символических объектов, монументальных конструкций, иконографии, письменности и др. Фундаментальными свойствами материализации является то, что она обеспечивает широкий доступ (говоря в рамках более привычных нам понятий, словами В. И. Ленина, – «массовость»), который формирует идеологический контроль элиты над сознанием индивидов.

Материализация может реализовываться в общественных церемониях – различных важных для группы ритуалах, пирах, иных действиях. Церемонии – это самая простая форма поддержания идентичности и идеологии, которая имеет значение для самых разных общественных групп от первобытных охотников и собирателей до археологов, периодически собирающихся на свои съезды.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 239

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Корректор О. Неклюдова
Художники А. Голикова, Н. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 23.09.2015. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 33,86. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4